К.З. ОСТРОВСКАЯ
(Новочеркасск)

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ «САКРАЛЬНОЕ» В СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Сделана попытка интегральной характеристики концептуального поля «сакральное» с точки зрения взаимодействия трех тесно связанных лингвистических наук (лингвоконцептолокии, дискурсологии и учения о языковой картине мира). Рассматриваются аспекты концептуального поля «сакральное», реализуемые в сказочном дискурсе и позволяющие сделать вывод об опорной роли концептуального поля «сакральное» в сказочном дискурсе.

Ключевые слова: *языковая картина мира, наивная картина мира, менталитет, ментальность, концепт, концептуальное поле, концептосфера, национальная концептосфера, сакральное, сказки, сказочный дискурс.*

Лингвоконцептология, дискурсология и учение о языковой картине мира (ЯКМ) взаимодействуют все более закономерно и разнообразно. При этом определенные малоисследованные объекты оказываются показательными и плодотворными именно для интегральной характеристики. Она органично обобщает глубинную лингвистическую связь «концепт – дискурс – картина мира» и являет новые стороны системности каждой из данных сфер.

С нашей точки зрения, в исследовании сказочного дискурса целесообразно представить концептосферу как объединение концептуальных полей, которые в свою очередь состоят из объединений концептов (от бинарных оппозиций до концептуальных рядов и множеств). Концептосфера народной сказки составляет значимый фрагмент национальной концептосферы и, следовательно, является сложно организованной системой с многочисленными связями между входящими в ее состав концептами. Выделение концептуального поля как промежуточного уровня между концептом и концептосферой позволяет представить концептосферу народной сказки более структурированно [17, с. 41].

Задача предлагаемой статьи – представить интегральную характеристику концептуального поля «сакральное» (далее С) в сказочном дискурсе. Решение поставленной задачи предполагает трехаспектную характеристику. Во-первых, необходимо отметить специфическую системность концептов в концептуальном поле С и обозначить некоторые типы связей между ними. Во-вторых, следует отметить опорную роль С в сказочном дискурсе. В-третьих, целесообразно соотнести выявленные таким образом особенности с понятием ЯКМ, причем предполагается, что у концептуального поля как объединения концептов есть и такой модус, как отражение наивной картины мира (НКМ). Рассмотрим названные аспекты последовательно.

Первый аспект анализа – это выявление специфической системности концептов в сказочном дискурсе и места в данной системе определенного концептуального поля – С. Очевидно, при истолковании С в материале можно вслед за рядом ученых придерживаться формулы, «сопрягающей категорию священного с человеческой жизнью как таковой» [1, с. 92] (см. также: [3, с. 135; 4, с. 37]). Кроме того, сакральное «выделяет области бытия и состояния сущего, воспринимаемые сознанием как принципиально отличные от обыденной реальности и исключительно ценные» [6, с. 186], что напрямую ставит С в центр сказочного дискурса.

Считаем также возможным включать в понятие «человеческая жизнь» и феномен языка (а следовательно, дискурса), опираясь на такие суждения его мастеров, как, например, У.Х. Одена: «Поэт должен поддерживать священную природу языка» [16, с. 236 и след.]. Сакральность в этом ракурсе изначально возможна в языковом пространстве и потому способна усиливаться определенными дискурсивными сущностями, формациями, например фольклорными, в том числе сказочными.

Для дискурса сказки (как фольклорной, так и литературной) справедливы концептологические положения, обоснованные в разделе «Концепт и фольклорный дискурс» специального антропоцентрического исследования дискурса [10, с. 276 и след.]. Показательно для решаемой задачи в целом, что указанные положения связываются и с понятием картины мира (КМ), а именно фольклорной КМ. В упомянутом разделе преимущественное внимание уделено сказке. При этом она определяется в триаде «общее – особенное – единичное» и рассматривается в сложном единстве «сказка фольклорная – сказка литературная». Понятие «сказка – особый фольклорный жанр» раскры-

© Островская К.З., 2017

вается на концептологической основе. Специально отмечаются характерные для сказочного дискурса концепты, причем один из них – «книга» – связывается с сакральностью. В таком представлении подтверждаются, закономерно соединяются актуальность исследуемого нами концептуального поля С и его недостаточная изученность: ведь иначе оно могло бы занять в этом разделе более весомое место рядом с концептами «зримое», «глаз» и др.

Заметим также, что в труде, соединяющем теоретический поиск и словарную фиксацию, где единицей лексикографирования стали концепты, с необходимостью представлены и концепты, входящие в концептуальное поле С, от КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ до СВЯТОЕ, неотделимые от сказки и глубоко отражающие НКМ [23, с. 376, 830 и др.].

Уточним возможности С в специфической системности дискурса немецкой сказки (как фольклорной, так и литературной), феномен которой дополняет системную характеристику фольклорной. Именно концептуальное поле С отражает ту особенность, согласно которой фольклорный сказочный образ мира характеризуется «замкнутостью» пространства и времени [12, с. 225–227], особыми законами протекания времени и существования пространства, которые отражены в канонических, маловариативных структурах сказочных общих мест, например формул ввода. Они концептуально закрепляют первую реальную прагматически-семантическую реализацию текста: *es war einmal, es lebte einmal* (ср. англ. *once upon a time, once there were*; рус. *жили-были, в некотором царстве – в некотором государстве*). В приведенных формулах ввода в хронотопе народной волшебной сказки С актуализируется оригинально, специфично – как значение неопределенности времени и места.

В литературной сказке происходит не просто сочетание образов двух или более исторических времен и мест действия. В концептуальной и содержательной структуре текста литературной сказки обязательно сочетаются хронотопы, один из которых изоморфен образу реального мира, а другой изоморфен фольклорному фантастическому образу «небывальщины», мира, которого «в первой реальности» не может быть.

Системность проявления С подтверждается двумя соотносимыми способами представления. Так, персонажи народных сказок от начала и до конца сказки, до формулы вывода из ее хронотопа, пребывают в особых пространственно-временных условиях, определяемых концептуальным полем С. В отличие от них, персонажи литературных сказок не принадлежат одному гомогенному хронотопу, а имеют отношение к хронотопу как реальности, так и фантастики, представленным в общей художественной структуре текстов. Этим укрепляется органичное многообразие проявлений концептуального поля С. Отсюда вытекает и актуальность исследуемого концептуального поля для доминант сказочного дискурса. Если для жанрообразования народной волшебной сказки считать главным принцип установки на «небывальщину» [21, с. 29], то для литературной романтической сказки жанрообразующим представляется принцип сосуществования в одном тексте двух разнородных хронотопов, изоморфных образу сказочной фантастики и действительности, реальности. Этим обусловлена их концептуальная, коммуникативно-прагматическая и архитектоническая структура. Различение хронотопных дискурсов проявлениями концептуального поля С служит адекватной читательской рецепции целого текста и может быть обеспечено системой прагматических сигналов, коммуникативных маркеров хронотопов, исходящих из единого концептуального координирующего центра.

Второй способ представления развивает выявленную черту реализации концептуального поля С: оно оказывается стержневым в концептосфере. Так, именно концептуальное поле С, входящие в его состав концепты и воплощающие их номинации чудесного перевоплощения становятся опорой для реализации других концептов. Таким образом, мы плавно переходим к рассмотрению второго аспекта характеристики С, а именно его опорной роли в сказочном дискурсе.

Этот аспект возможно рассмотреть с двух ракурсов. Первый из них связан с использованием сказок в качестве обучающего инструмента, средства передачи закрепленных в национальном сознании моральных правил и связанных с ними концептов. Прежде всего это концепт греха и связанные с ним характеристики возмездия и предательства. Понятие «грех» относится к архетипическим категориям, включенным в морально-этическую сферу сознания, которая в свою очередь актуализировала мифологические представления о человеке и окружающем его мире [7, с. 63]. В сказочном дискурсе этот концепт ГРЕХ тесно связан с концептом НАКАЗАНИЕ (или ВОЗМЕЗДИЕ). Так, совершив проступок, персонаж не-

пременно несет за него наказание, зачастую в конце сказки (благодаря чему актуализируется еще один концепт – СПРАВЕДЛИВОСТЬ).

Так в концептосфере органично и увлекательно представлены нравственные мотивы. Как можно полагать, подобная связь, во-первых, актуализирует потенциал концептуального поля С для адресатов различных эпох и, во-вторых, обогащает его системные связи с единицами разнообразных синхронических срезов.

Второй ракурс обусловлен тем, что сказка выступает в качестве особой формы коммуникации, в которой аккумулированы не только система взглядов, объясняющих окружающий мир, и правил, регламентирующих поведение человека в нем, но и представления о возможном воздействии на объекты действительности с целью создания более благоприятных для себя условий существования. В качестве инструмента такого воздействия выступают сакральные тексты, включенность которых в сказочный дискурс обусловлена генетикой народной сказки и ее синкретическим характером. К сакральным текстам, как правило, причисляют заклинания, приметы, заговоры как языковую проекцию стереотипов этнического сознания. В них отражаются суеверия, обычаи, народный календарь природы и регламентированные формы коммуникации, в том числе с магическими силами [19, с. 271]. С этой точки зрения сказка служит определенной прагматической задаче – словесному магическому воздействию на окружающую действительность с целью ее изменения. Внешней формой актуализации этой задачи в данном случае служит жесткая структура, организующая как содержание, так и форму текста.

Два отмеченных ракурса позволяют перейти к третьему – к тем сторонам концептуального поля, которые соотносятся с различными отражаемыми реальностями. Опорными концептами в этом ракурсе служат положения, которые стали привычными в лингвоконцептологии – например, на материале концепта ВЕРА: «Основа этого концепта – та же, которая выявляется в концепте СЛОВО и которую мы определили как круговорот общения двух (по крайней мере) субъектов. Она и составляет внутреннюю форму концепта ВЕРА» [23, с. 377]. Другая сторона, в свою очередь крайне многомерная, – внешняя форма, являемая, судя по исследовательской практике, с участием системных семантических отношений.

Конкретизируем внутреннюю форму как сторону концептуального поля С. Судя по характеризуемому материалу, она представляет собой единство обращенности субъекта к реальностям и определенной дистанции между ним и наивно познаваемым объектом. В объекте «священность» – сакральность – недоступность акцентируется как доминанта. Но, коль скоро он все-таки определяется, налицо некоторое познавательное приближение, преодоление недоступности как часть отношения к С, более того – как часть его представления.

Отметив тесную связь двух первых аспектов характеристики (специфическую системность концептов в сказочном дискурсе, в его связях с иными сферами, а также место в этой системе концепта С), перейдем к третьему аспекту – к особому модусу С как отражения НКМ, что влечет за собой соответствующую предварительную характеристику коррелятивных понятий КМ, ЯКМ, смежных с ними пространств.

Как известно, в XXI в. одним из актуальнейших направлений языкознания стало обращение к антропоцентрической парадигме: изучению языка и языковых единиц с точки зрения их значения в жизни человека. Центральное место в филологических науках стал занимать «человек говорящий», Homo Loquens [24, с. 9], носитель национального языка и, следовательно, представитель определенной лингвокультуры. Базовые категории этой парадигмы – национальная языковая личность и национальная концептосфера – выражают менталитет народа, который в свою очередь актуализируется через ментальность.

Согласно Л.А. Микешиной, «менталитет – это неосознанные представления, верования, ценности, традиции, модели поведения и деятельности различных этнических и социальных групп, слоев, классов общества, над которыми надстраиваются теоретические и идеологические системы» [15, с. 80]. Другими словами, менталитет можно назвать содержательным и структурным компонентом мировидения [5, с. 71]. Ментальность же «есть миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [8, с. 81]. Зафиксированный в культурном коде нации менталитет через ментальность находит свое отражение в ЯКМ, понятие которой в рамках антропоцентрической парадигмы получило широкое распространение в лингвистике. В современном языкознании существует ряд подходов к описанию ЯКМ. С одной стороны, ЯКМ рассматривается в качестве социально значимой модели знаков, которая передает информацию об окружающем

мире и выражается с помощью различных языковых средств, объединенных в систему [25, с. 54]. С другой стороны (в рамках более узкого подхода), ЯКМ трактуется как совокупность представлений определенного народа об окружающем мире исключительно на определенном этапе развития этого народа [20, с. 54]. Некоторые исследователи идут дальше и считают, что ЯКМ не только выступает в роли проекции концептуальной системы сознания, но и сама участвует в познании мира, задавая образцы интерпретации воспринимаемого и видения ситуаций и событий [11, с. 65]. Общим во всех подходах является понимание донаучного характера ЯКМ, которая складывается естественным образом в процессе адаптации человека к окружающей действительности. В связи с этим, например, в трудах Ю.Д. Апресяна языковая картина мира получает дополнительное название «наивная» [2, с. 38]. Под наивными представлениями народа понимается «сложившаяся давно и сохранившаяся доныне национальная картина мира, <…> отражающая мировосприятие и миропонимание народа, зафиксированная в языке, ограниченная рамками консервативной культуры» [18, с. 10–11]. Таким образом, язык служит для выражения образа мира, существующего в сознании человека и народа, или, другими словами, для концептуализации мира.

Понятие «наивная картина мира» применительно к определенной национальной общности коррелирует с понятием «национальная концептосфера», т.к. она формирует образную составляющую концептов, национальную систему ценностей, оценочную составляющую концептов и определенную сумму информации, необходимую для успешного общения в рамках данной культуры [22, с. 14]. Национальная концептосфера представляет собой совокупность концептов, из которых складывается полотно миропонимания носителей языка, модель мира, которая в каждой культуре строится из целого ряда универсальных концептов и констант культуры [14, с. 83]. Д.С. Лихачев предполагает, что национальную концептосферу языка, т.е. ту, в которой концентрируется культура нации, образует совокупность концептов, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют НКМ носителей языка [13, с. 281].

На формирование национальной концептосферы на протяжении всей истории оказывали влияние донаучные представления об окружающей действительности, нашедшие отражение в понятиях божественного, непознаваемого, потустороннего и т.п. Н.И. Коновалова под сакральным понимает «священное, обрядовое, ритуальное (относящееся не только к религиозному культу), таинственное, магическое» [9, с. 53].

Как уже оговаривалось, выделить концептуальное поле С нам позволяют такие его категориальные признаки, как принадлежность к области идеального, этнокультурная обусловленность и вербальные средства выражения. При этом все эти признаки не могут рассматриваться отдельно друг от друга, т.к. представляют собой единое целое. В связи с этим несомненный интерес для изучения национальной концептосферы представляет исследование концептуального поля С как одного из важнейших компонентов, одновременно влияющего на формирование НКМ и актуализирующего ее понятия. Национальная концептосфера выражается в первую очередь в фольклоре, который в большинстве случаев актуализирует «единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [2, с. 350], или НКМ. При этом присущая определенному человеческому сообществу (прежде всего языковому) картина мира выявляется не только через язык, но и через данные фольклора.

Наиболее отмеченной национально-культурной спецификой сферой функционирования естественного языка является народная (или фольклорная) сказка, а также связанная с ней литературная. Будучи продуктом устного народного творчества, зафиксированным в письменной форме, она отражает НКМ определенной общности людей, а потому содержит в себе концепты, которые входят в национальную концептосферу.

Проанализированный материал дает основания для двух взаимосвязанных генерализаций.

1. Анализ сакральных текстов в сказочном дискурсе позволяет выявить особенности концептуального поля С как части национальной концептосферы. Система этих особенностей обобщает информацию о таких компонентах НКМ, как традиции, обычаи, обряды, поверья, суеверия, ритуалы и т.п. Она представляет отношение народа к сверхъестественному, мировидение народа, зафиксирована в языковых формах, нашедших наиболее яркую актуализацию в сказках, включая используемые в них заговорные тексты.

2. Для концептуального поля С в материале показательны многогранные и упорядо-

ченные связи с иными концептами. Потенциал концептуального поля С оказывается достаточно разнообразным. Оно связано с взаимнонеоднозначным соответствиями: между различными КМ, между ролью С и функциями концептов-«партнеров». Сказочный дискурс, отражающий НКМ, многомерно взаимодействует с другими дискурсивными сферами. Этим объясняется востребованность в современной коммуникации такого концепта, который формировался и первоначально активизировался в совершенно иных лингвокультурных условиях далекого прошлого.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Homo Sacer: Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка // Вопр. языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
3. Воронцов С.А. (Анти)клерикальный дискурс и алетургия: к постановке проблемы // Вопр. философии. 2017. № 4. С. 37–49.
4. Гриб Е.В. К вопросу о соотношении социального и других видов интеллекта // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 1. Ч. 1. С. 135–138.
5. Жуковская Л.И. Семантическое наполнение концепта «менталитет / ментальность» и его языковое воплощение в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2015.
6. Забияко А.П. Сакральное // Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2 т. СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. Т. 2.
7. Исаченко Н.Н. Концепт греха в современном обществе // Альманах современной науки и образования. 2014. № 7. Ч. 1. С. 63–65.
8. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004.
9. Коновалова Н.И. Демонологическая лексика как фрагмент концепта «сакральное в русском языковом сознании // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 2000. С. 551–556.
10. Концепт и фольклорный дискурс // Человек и его дискурс / отв. ред. М.Р. Желтухина. М. – Волгоград: РАН; ВГСПУ, 2014. Т. 4.
11. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004.
12. Лихачев Д.С. Замкнутое время сказки // Поэтика древнерусской лите-ратуры. М.: Наука, 1979. С. 225–228.
13. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / Ин-т народов России [и др.]; под общ. ред. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 280–287.
14. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск, ТетраСистемс, 2008.
15. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие. М.: Прогресс-Традиция : МПСИ : Флинта, 2005.
16. Оден У.Х. «Поэт должен поддерживать священную природу языка». Интервью Майклу Ньюмену // Иностр. литература. 2017. № 1. С. 192–235.
17. Островская К.З. Специфика концептосферы народной сказки и проблема выбора методологического инструментария для ее моделирования // Успехи современной науки. 2017. № 3. Т. 3. С. 39–44.
18. Пименова М.В. Этногерменевтика наивной языковой картины внутреннего мира. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999.
19. Плахова О.А. Лингвосемиотика английской сказки: жанровое пространство, знаковая репрезентация, дискурсивная актуализация: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2013.
20. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2010.
21. Пропп В.Я. Русская сказка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
22. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000.
23. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 2-е изд., испр. и доп.
24. Чувакин А.А., Кощей Л.А. Homo Loquens как исходная реальность и объект филологии: к постановке проблемы // Филология и человек. 2006. № 1. С. 8–20.
25. Шахнарович А.М., Голод В.И. Когнитивные и коммуникативные аспекты речевой деятельности // Вопр. языкознания. 1986. № 2. С. 52–56.

* * *

1. Agamben Dzh. Homo Sacer: Suverennaja vlast’ i golaja zhizn’. M.: Evropa, 2011.
2. Apresjan Ju.D. Obraz cheloveka po dannym jazyka // Vopr. jazykoznanija. 1995. № 1. S. 37–67.
3. Voroncov S.A. (Anti)klerikal’nyj diskurs i aleturgija: k postanovke problemy // Vopr. filosofii. 2017. № 4. S. 37–49.
4. Grib E.V. K voprosu o sootnoshenii social’nogo i drugih vidov intellekta // Istoricheskaja i social’no-obrazovatel’naja mysl’. 2017. T. 9. № 1. Ch. 1. S. 135–138.
5. Zhukovskaja L.I. Semanticheskoe napolnenie koncepta «mentalitet / mental’nost’» i ego jazykovoe voploshhenie v sovremennom russkom jazyke: dis. ... kand. filol. nauk. Nizhnij Novgorod, 2015.
6. Zabijako A.P. Sakral’noe // Kul’turologija. XX vek. Jenciklopedija: v 2 t. SPb.: Universitetskaja kniga; OOO «Aletejja», 1998. T. 2.

7. Isachenko N.N. Koncept greha v sovremennom obshhestve // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija. 2014. № 7. Ch. 1. S. 63–65.

8. Kolesov V.V. Jazyk i mental'nost'. SPb., 2004.

9. Konovalova N.I. Demonologicheskaja leksika kak fragment koncepta «sakral'noe v russkom jazykovom soznanii // Jazyk. Sistema. Lichnost'. Ekaterinburg, 2000. S. 551–556.

10. Koncept i fol'klornyj diskurs // Chelovek i ego diskurs / otv. red. M.R. Zheltuhina. M.; Volgograd: RAN; VGSPU, 2014. T. 4.

11. Kubrjakova E.S. Jazyk i znanie. Na puti poluchenija znanij o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira / Ros. akademija nauk. In-t jazykoznanija. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004.

12. Lihachev D.S. Zamknutoe vremja skazki // Pojetika drevnerusskoj lite-ratury. M.: Nauka, 1979. S. 225–228.

13. Lihachev D.S. Konceptosfera russkogo jazyka // Russkaja slovesnost': ot teorii slovesnosti k strukture teksta: antologija / In-t narodov Rossii [i dr.]; pod obshh. red. V.P. Neroznaka. M., 1997. S. 280–287.

14. Maslova V.A. Kognitivnaja lingvistika. Minsk, TetraSistems, 2008.

15. Mikeshina L.A. Filosofija nauki: Sovremennaja jepistemologija. Nauchnoe znanie v dinamike kul'tury. Metodologija nauchnogo issledovanija: ucheb. posobie. M.: Progress-Tradicija : MPSI : Flinta, 2005.

16. Oden U.H. «Pojet dolzhen podderzhivat' svjashhennuju prirodu jazyka». Interv'ju Majklu N'jumenu // Inostr. literatura. 2017. № 1. S. 192–235.

17. Ostrovskaja K.Z. Specifika konceptosfery narodnoj skazki i problema vybora metodologicheskogo instrumentarija dlja ee modelirovanija // Uspehi sovremennoj nauki. 2017. № 3. T. 3. S. 39–44.

18. Pimenova M.V. Jetnogermenevtika naivnoj jazykovoj kartiny vnutrennego mira. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999.

19. Plahova O.A. Lingvosemiotika anglijskoj skazki: zhanrovoe prostranstvo, znakovaja reprezentacija, diskursivnaja aktualizacija: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2013.

20. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaja lingvistika. M.: AST: Vostok – Zapad, 2010.

21. Propp V.Ja. Russkaja skazka. L.: Izd-vo LGU, 1984.

22. Slyshkin G.G. Lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov. M.: Academia, 2000.

23. Stepanov Ju.S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. M.: Akademicheskij proekt, 2001. 2-e izd., ispr. i dop.

24. Chuvakin A.A., Koshhej L.A. Homo Loquens kak ishodnaja real'nost' i ob#ekt filologii: k postanovke problemy // Filologija i chelovek. 2006. № 1. S. 8–20.

25. Shahnarovich A.M., Golod V.I. Kognitivnye i kommunikativnye aspekty rechevoj dejatel'nosti // Vopr. jazykoznanija. 1986. № 2. S. 52–56.

The conceptual field "THE SACRED" in the fairy-tale discourse as a reflection of the naive world picture

The article represents an attempt to characterize the conceptual field "the sacred" from the point of interaction between three closely related linguistic sciences (linguoconceptology, discoursology and language world picture studies). The author researches the aspects of the conceptual field "the sacred" implemented in the fairy-tale discourse and leading to the conclusion about the supporting role of the conceptual field "the sacred" in the fairy-tale discourse.

Key words: *language world picture, naive world picture, mentality, concept, conceptual field, conceptual sphere, national conceptual sphere, sacred, fairy tales, fairy-tale discourse.*

(Статья поступила в редакцию 27.07.2017)

И.А. МИТРОНОВ
(Волгоград)

КОНЦЕПТ «КЛЯТВА» В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ

Описывается опыт концептуализации речевого акта «клятва» носителями русскоязычного обыденного сознания на материале паремий. Определяется содержание ценностной составляющей клятвы как культурного концепта.

Ключевые слова: *речевой акт «клятва», концептуализация, обыденное сознание, паремия, ценностная составляющая концепта.*

Речевые акты, как и другие объекты действительности, подвергаются концептуализации и представляются в языковом сознании как совокупности накопленных о них (т.е. речевых актах) знаний в процессе исторического

© Митронов И.А., 2017